

КОНЦЕПТ «ПАДШАЯ ЖЕНЩИНА» В ЭПОХУ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

В данной статье рассматривается концепт «падшая женщина» в эпоху Достоевского. В ходе исследования обнаруживается, что концепт «падшая женщина» существовал в широком семантическом поле родственных понятий, таких как «пасть», «падение/паденье», «падшее создание», «павшее существо» (Ф. М. Достоевский), «падшая душа» (Н. А. Некрасов), «падный человек», «падный ангел».

Ключевые слова: концепт, падшая женщина, Достоевский, русская литература XIX в.

N. J. Zimina

CONCEPT «THE FALLEN WOMAN» DURING F.M. DOSTOEVSKY' EPOCH

This article explores the concept "The Fallen Woman" during F.M. Dostoyevsky' epoch. The research reveals that the concept "the fallen woman" existed in a broad semantic field of related concepts such as "to fall", "falling", "the fallen creature" (F. Dostoevsky), "the fallen soul" (N. Nekrasov), "the fallen man", "the fallen angel".

Key words: concept, fallen woman, Dostoevsky, Russian literature of XIX century.

Определение концепта «падшая женщина» обусловлено изучением образа «падшей» женщины в творчестве Достоевского. Под концептом в данном случае понимается «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [1, с. 394]; такое определение, приводимое «Литературной энциклопедией терминов и понятий» под ред. Л.Н. Николюкина, дал русский философ и литературовед С. А. Аскольдов-Алексеев. По отношению к современной культуре этот концепт является архаичным из-за глобальных социокультурных преобразований XX и XXI вв., когда изменились традиционные гендерные стереотипы поведения, что связано со снижением влияния религии.

Однако в годы жизни (1820-е – 1880) и творчества Достоевского данный концепт оставался актуальным, и словари не снабжали его пометой «устаревшее». При этом следует отметить, что, хотя словари не всегда фиксируют фразеологическое сочетание «**падшая женщина**» (что можно объяснить трудностью вычленения фразеологизмов на данном этапе развития отечественного языкознания), обычно они отмечают существование семантически, ассоциативно и деривационно связанных с ними лексем «**пасть/падать**», «**падение**», «**падный**» в тех значениях, которые оказываются близки дефиниции этого фразеологизма, данной современным нам «Словарем устаревших слов русского языка» Р. П. Рогожникова, Т. С. Карской: «**Падшая женщина**. Женщина, утратившая репутацию порядочной вследствие порочного поведения» [2, с. 486]. Данное определение, достаточно условное и размытое, за счет родственных названному фразеологизму лексем в какой-то степени проясняется.

Так, в четырехтомном «Словаре языка А.С. Пушкина» встречаем следующее значение существительного «**падение (паденье)**»: «6. Утрата целомудрия (2). *Анджело - - - Положим: тот, кто б мог один спасти его - - - К тебе желаньем был преступным воспален и требовал, чтоб ты казнь брата искупила своим падением. А II 66 (Анджело). Тебе приятен твой позор, Ты им, в безумном упоеньи, Как целомудрием горда – Ты прелесть нежную стыда В своем утратила паденьи. П. I 489*» [3, т. 3, с. 281].

А одно из значений глагола «**пасть**» - «9. Нравственно опуститься, погрязнуть в пороках» [3, т. 3, с. 298].

Любопытно, что словарь, не фиксируя выражение «падшая женщина», фиксирует близкое, более игривое и легкое, «**падшее создание**», в скобках отмечая «о развратной женщине»: «Он заставляет и нас принимать болезненное соучастие в судьбе *падшего*, но еще очаровательного *создания*. Ж, 7636» [3, т. 3, с. 298]. Данный контекст замечателен тем, что в этой пушкинской фразе намечены те точки, которые станут знаковыми для развития образа «падшей» женщины в русской литературе XIX в. Здесь и первоначальный гуманистический интерес, сострадательность («соучастие»), которая будет свойственна натуральной школе, и некоторая паталогичность этого интереса («болезненное соучастие»), которой будет отмечено творчество Достоевского (нет ни одного его романа, где не была бы выведена «падшая» женщина), и особая привлекательность этого образа (падшее создание «еще» очаровательно, но не потому ли очаровательно, что падшее?). Словосочетание «падшее создание» встречается и у самого Достоевского, хотя и в ином значении, но об этом чуть позже.

В словаре В.И. Даля также отсутствует фразеологизм «падшая женщина», однако одно из значений глагола «**пасть**» оказывается тесно с ним связано: «Понижаться, нисходить, или умалиться, не устоять, и уничтожиться, гибнуть, в прям. и перенс. знач. <...> *Человек падает, погрешает, не безгрешенъ*» [4, т. 3, с. 7]. Из приведенного примера ясна связь таких понятий как «падение» и «грех», которые, в свою очередь заставляют вспомнить о библейском грехопадении; слова «падает, погрешает, не безгрешенъ» оказываются в одном синонимическом ряду. Кроме того, словарь фиксирует глагольную форму «**падший**» как причастие прошедшего времени.

«Словарь устаревших слов русского языка» Р. П. Рогожниковой, Т. С. Карской приводит следующее значение слова «**падший**»: «2. Опустившийся нравственно, утративший из-за безнравственного поведения доброе имя. *Конечно, отвернуться с презрением от человека падшего гораздо легче, нежели протянуть ему руку на утешение и помощь*. Белинский. Взгляд на русскую литературу 1847 г.» [2, с. 486]. Из данного контекста следует, что «падшим» может быть не только женщина, но и человек вообще (очевидно, это тот, кого наши современники назвали бы «опустившимся»). Настоящее наблюдение важно для понимания семантического поля концепта «падшая женщина». Кроме того, как уже было сказано, словарь приводит это словосочетание под знаком фразеологического оборота: «**Падшая женщина**. Женщина, утратившая репутацию порядочной вследствие порочного поведения. *Сюда, как на суд, созданы автором и слабый, но порочный вельможа <...> и все разряды падших женщин разобраны*. Гончаров. Обломов» [2, с. 486]. Приведенный пример интересен тем, что дает представление и о существовании определенного литературного направления, которому свойственно изображение социально неблагополучных слоев населения (писатели, продолжающие традицию натуральной школы), и о том, что «падшие» женщины делятся на определенные «разряды», классы, т. е. существуют некие социальные схемы, по которым развивались судьбы этих женщин. Позднее это отразится в рассказе А. П. Чехова «Припадок», где под «падшими женщинами» будут подразумеваться уже только проститутки.

Как уже говорилось, определение «женщина, утратившая репутацию порядочной вследствие порочного поведения» является весьма неопределенным. Ведь все зависит от того, какую женщину считать порядочной и что понимать под порочным поведением, т. е. от изначальных морально-нравственных установок высказывающего суждение, от той культурной парадигмы, в которой он был воспитан и носителем которой он является.

Такой же неопределенностью грешат и большинство других словарей, что, безусловно, объясняется табуированностью некоторых тем, в данном случае темы нерегламентированной сексуальности, даже и в современном обществе. Во всяком случае, в научной литературе эта табуированность в какой-то степени продолжает бытовать и сейчас, доказательством чему является хотя бы тот факт, что не существует специального исследования такого распространенного в творчестве Достоевского образа, как образ «падшей» женщины.

О зависимости определения женщины как «падшей» от социальной среды, в которой она находится, косвенно свидетельствует современный нам «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. Одно из значений глагола «**пасть**» в нем таково: «4. перен. Уронить себя в глазах окружающих, утратить доброе имя из-за предосудительного поведения. *Низко пасть. Падший человек. Падшая женщина (устар.)*» [5, с. 495]. Два последних выражения приводятся в качестве контекста и никак не расшифровываются, но сама их постановка после процитированной дефиниции говорит об относительности этих определений и зависимости от мировоззренческих установок говорящего.

Более конкретен словарь под редакцией Д. Н. Ушакова, дающий следующее определение лексеме «**падение**»: «4. Нарушение целомудрия, потеря девственности вне брака (устар.)» [6, т. 3, с. 16]. Одно из значений глагола «**пасть**», приводимое словарем: «6. Утратить доброе имя, репутацию честной женщины вследствие порочного поведения (устар.)» [6, т. 3, с. 84], а «**падший**» - это «3. Развратный (о женщине; устар.). *Падшее создание. Падшая женщина*» [6, т. 3, с. 16].

Современный словарь С. А. Кузнецова приводит следующую дефиницию существительного «**падение**»: «2. Упадок нравственных сил. *Падения и взлеты молодости*» и далее под знаком, обозначающим смысловое варьирование в пределах одного значения «// Нравственное или бытовое разложение; потеря целомудрия. *Дойти до полного падения. Падшие женщины*» [7, с. 774]. При этом определение лексемы «**падший**» менее конкретно, чем предшествующее: «2. Такой, который пал, опустился в нравственном отношении. *Падший человек. Падшая женщина*» [7, с. 774]. Во всех указанных случаях словосочетание «падшая женщина» приводится в качестве контекста, но без пометы фразеологического оборота. Определение глагола «**падать**» вновь указывает на общественное восприятие этого процесса: «9. (св. пасть). Утрачивать положительные нравственные качества; опускаться. *Нравы падают. Потеряв работу, падал все ниже и ниже. // (св. упасть). Утрачивать прежнее уважение, признание, расположение со стороны кого-л. *Падать в глазах коллег, общественного мнения, коллектива*» [7, с. 773].*

В четырехтомном «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой словосочетание «падшая женщина» отсутствует, однако приводится следующее значение слова «**падший**»: «3. **в знач. прил.** Такой, который пал, опустился в нравственном отношении. *В самом падшем создании могут еще сохраниться высочайшие человеческие чувства.* Достоевский. Село Степанчиково. — *Я пустой, ничтожный, падший человек! --- Жизнь я до сих пор покупал ценою лжи, праздности и малодушия.* Чехов. Дуэль» [8, т. 3, с. 10].

Симптоматично, что первый контекст — это цитата из Достоевского, писателя, которого традиционно принято считать великим гуманистом, защитником «униженных и оскорбленных», и поэтому в его устах устаревшее слово «падший» звучит естественно и органично. Однако если обратиться к тексту «Села Степанчикова», смысл процитированной вне контекста фразы если не меняется, то приобретает другую, не торжественно-манifestационную, а ироническую окраску. Приведенная в словаре фраза звучит в устах главного героя-рассказчика, когда его дядя принимается защищать Коровкина, местного «злого шута» и весьма не-симпатичного персонажа:

«Ведь вот, например, Коровкин, ведь ты уж, наверно, смеешься над ним, — прибавил он <дядя>, с робостью заглядывая мне в лицо, — и все мы давеча смеялись над ним. А ведь это, может быть, непростительно... ведь это, может быть, превосходнейший, добрейший человек, но судьба... испытал несчастья... Ты не веришь, а это, может быть, истинно так.

— Нет, дядюшка; почему же не верить?

И я с жаром начал говорить о том, что в самом падшем создании могут еще сохраниться высочайшие человеческие чувства; что неисследима глубина души человеческой; что нельзя презирать падших, а, напротив, должно отыскивать и восстанавливать; что неверна общепринятая мерка добра и нравственности и проч. и проч., — словом, я воспламенился и рассказал даже о натуральной школе; в заключение же прочел стихи:

Когда из мрака заблужденья...

Дядя пришел в необыкновенный восторг» [9, т. 3, с. 195].

Данный фрагмент из произведения, написанного Достоевским в 1859 г., сразу после каторги, весьма показателен. Он свидетельствует о наличии мощной гуманистической традиции защиты «падших» и «восстановления» их, «воскресения» и «пробуждения к новой жизни»; то есть о том, что к 1859 году стало уже общим местом и во что слабо верил сам автор. Ироническая помета «и проч., и проч.» (читатель прекрасно понимает, что за этим скрывается) и сами подобные суждения – доказательство незрелости и недостаточного жизненного опыта рассказчика. Как известно, каторга стала поворотной вехой в духовном развитии Достоевского, едва ли он мог написать нечто подобное в период создания «Бедных людей» (1845). Позднее два звучащих во фрагменте мотива – гуманистически-оправдательный и скептически-сомневающийся – станут постоянными при изображении «падших» женщин в творчестве Достоевского, так же как и приведенная во фрагменте цитата из стихотворения Н. А. Некрасова «Когда из мрака заблужденья». Его первые строфы послужат эпиграфом к главе «По поводу мокрого снега» в «Записках из подполья», причем с авторским примечанием «И т. д., и т. д., и т. д.» [9, т. 4, с. 482], очень напоминающим «и проч., и проч.» из «Села Степанчиково», а заключительные строки «И в дом мой смело и свободно / Хозяйкой полною войди!» возникнут в «Записках...» еще дважды: как эпиграф к одной из главок [9, т. 4, с. 540] и как часть внутреннего монолога героя [9, т. 4, с. 535], что свидетельствует о важности данного стихотворения и его тематики для Достоевского. Героиня стихотворения Некрасова названа автором «**падшей душой**», проклинающей «опутавший» ее порок, а героиня «Записок...» – Лиза, проститутка, которую рассказчик стремится не воскресить, а унижить и временами даже морально уничтожить. Таким образом, гуманистическая традиция защиты «падших созданий» оказывается как будто бы нарушена. Однако это не так – стоит вспомнить истории таких героинь Достоевского как Сонечка Мармеладова и Настасья Филипповна.

Сам Достоевский использует выражение «**падшая женщина**», говоря в «Дневнике писателя» о возможной судьбе преступницы Корниловой: «Брак расторгнут; на чужой стороне, одной, беззащитной и еще недурной собою, такой молодой,—где ей устоять от соблазна, думалось мне? Подлинно на разврат толкает ее судьба, я же знаю Сибирь: соблазнять там страшно много охотников, туда очень много едет из России неженатых людей, служащих и аферистов. *Упасть* легко, но зато сибиряки, простой народ и мещане — это самые безжалостные к *падшей женщине* люди» [9, т. 14, с. 387]. Далее в тексте противопоставляются судьбы женщин, поддавшихся соблазну и оставшихся «честными»: «...раз замаравшая свою репутацию женщина никогда уже не восстановит ее: вечное ей презрение, слово укора, попреки, насмешки, и это до самой старости, до могилы. Прозвище особое дадут. А ребенок ее (девочка) как раз *принуждена* будет наследовать карьеру матери: из дурного дома не найдет хорошего и честного жениха. Но другое дело, если сосланная мать соблюдет себя в Сибири честно и строго: молодая женщина, соблюдающая себя честно, пользуется огромным уважением. Всякий-то ее защищает, всякий-то ей пожелает угодить, всякий-то перед ней шапку снимет. Дочку она наверно пристроит. Даже сама может со временем, когда разглядят ее и уверятся в ней, вновь в честный брак вступить, в честную семью» [9, т. 14, с. 387]. Интересно, что подобное отношение сибиряков к женщине уже изображено писателем в художественном тексте – вспомним уважительное, почти благоговейное отношение каторжников к Сонечке Мармеладовой в эпилоге «Преступления и наказания».

В текстах Достоевского также неоднократно встречается ряд родственных концепту «падшая женщина» понятий. Например, слово «**падение**» в значении «утрата целомудрия» употребляется в следующих случаях. В «Братьях Карамазовых» на суде возникает такая характеристика Грушеньки: «Раннее разочарование, ранний обман и *падение*, измена обольстителя-жениха, ее бросившего, затем бедность, проклятие честной семьи и, наконец, покровительство одного богатого старика, которого она, впрочем, сама считает и теперь своим благодетелем» [9, т. 10, с. 215]. Можно отметить это вновь подспудно возникающее противо-

поставление «честной» семьи и «бесчестной» героини. В «Дневнике писателя» эта лексема употребляется опять-таки применительно к возможной судьбе все той же Корниловой: «если б разорвали брак <...> и одинокую, двадцатилетнюю, с младенцем на руках, беспомощную сослали в Сибирь — на разврат, на позор (ведь это *падение-то* в Сибири наверно же бы случилось) — скажите, что толку в том, что погибла, истлела бы жизнь, которая теперь, кажется, возобновилась вновь, возвратилась к истине в суровом очищении, в суровом покаянии и с обновившимся сердцем» [9, т. 14, с. 388]. В «Хозяйке» о взаимоотношениях Катерины и ее загадочного повелителя говорится: «...перед испуганными очами вдруг прозревшей души коварно выставляли ее же *падение*, коварно мучили бедное, *слабое* сердце, толковали перед ней вкривь и вкось правду, с умыслом поддерживали слепоту, где было нужно» [9, т. 1, с. 404].

Глагол «*пасть*» в значении «утратить доброе имя, репутацию честной женщины» встречается и в художественных произведениях писателя. В «Братьях Карамазовых» Федор Павлович следующим образом вступает за Грушеньку: «Эта «тварь», эта «скверного поведения женщина», может быть, святее вас самих, господа спасающиеся иеромонахи! Она, может быть, в юности *пала*, заеденная средой, но она «возлюбила много», а возлюбившую много и Христос простил...» [9, т. 9, с. 85]. Данное высказывание характеризует скорее Федора Павловича, нежели Грушеньку, как известно, аргумент «среда заела» был ненавистен Достоевскому и звучит здесь комически, слова же «возлюбила много» в сравнении с библейским текстом кощунственно переосмыслены и вызывают соответствующую реакцию: «— Христос не за такую любовь простил... - вырвалось в нетерпении у кроткого отца Иосифа» [9, т. 9, с. 85].

Как синоним выражению «падшее создание» выступает «*павшее существо*». Мышкин в «Идиоте» говорит Аглае о Настасье Филипповне: «Эта несчастная женщина глубоко убеждена, что она самое *павшее*, самое порочное *существо* из всех на свете» [9, т. 6, с. 435].

Наконец, в творчестве Достоевского возникает еще одно понятие, исторически связанное с концептом «падшая женщина» и имеющее мощную традицию в русской и мировой литературе, — это «*падший ангел*». Возникает оно вновь в связи с самой знаменитой «падшей женщиной» Достоевского — Настасьей Филипповной. Аглая, обвиняя ее, произносит: «Знаю то, что вы не пошли работать, а ушли с богачом Рогожиным, чтобы *падшего ангела* из себя представить» [9, т. 6, с. 570], и далее: «Не удивляюсь, что Тоцкий от *падшего ангела* застрелиться хотел!». Приведенные слова доказывают, что для современников Достоевского связь между двумя исторически родственными концептами «падшая женщина» и «падший ангел» была очевидной. Этот вопрос в науке еще не рассматривался и требует самого пристального изучения. Представляется вероятным пересечение данных концептов по таким характеристикам как определенная романтизированность в культуре и литературе, а следовательно, их привлекательность, «обаяние зла», возникающее при изображении подобных образов (вспомним «падшее, но все еще очаровательное создание» Пушкина). Неизбежный дуализм, которым отмечены и «падшая женщина», и «падший ангел», всегда привлекал к ним внимание и авторов, и читателей.

Таким образом, в эпоху Достоевского концепт «*падшая женщина*» существовал в широком семантическом поле родственных понятий, таких как «*пасть*», «*паденье/падение*», «*падшее создание*», «*павшее существо*» (Ф. М. Достоевский), «*падшая душа*» (Н. А. Некрасов), «*падший человек*», «*падший ангел*», что подтверждается как текстами исследуемого автора, так и текстами писателей-современников. Эти понятия фиксируются словарями XIX в. и современными, причем в современных словарях фразеологизм «падшая женщина», если отмечается, то снабжается пометой «устаревшее», что доказывает его архаичность по отношению к существующей ныне культуре.

Литература

1. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. Л. Н. Николюкина. Институт научной информации по общественным наукам РАН. М., 2003.
2. Рогожникова Р. П., Карская Т. С. Словарь устаревших слов русского языка. По произведениям русских писателей XVIII-XX вв. М., 2005.
3. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов / Российская академия наук. Ин-т русс. яз. им. В. В. Виноградова. – 2-е изд., доп. М., 2000.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка; 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Ин-т русс. яз. им. В. В. Виноградова. М., 1999.
6. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1994.
7. Большой толковый словарь русского языка. / Гл. редактор С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2003.
8. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т русс. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. М., 1981-1984.
9. Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 тт. Л., 1989.